

ДМИТРИЙ МЕНДЕЛЕЕВ

ЗАМЕТКИ О
НАРОДНОМ
ПРОСВЕЩЕНИИ

Дмитрий Иванович Менделеев

Заметки о народном просвещении

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2573165

Аннотация

«Многие формы жизни стали новыми, а формы обучения до того уже обветшали, что пришло время подумать об их усовершенствовании. Вот тема моих беглых заметок педагогического свойства. После немногих общих положений (об экзаменах, о цели обучения и т. п.), я, именно, полагаю в ряде статей высказать несколько мыслей о четырех отдельных предметах, касающихся обучения или педагогики, а именно: о подготовке обучающихся, т. е. профессоров и учителей; о высших, или специальных, учебных заведениях; о средних, или подготовительных, учебных заведениях и, наконец, коснуться общенародного, или начального, обучения. В своем изложении хочу идти сверху вниз, а не наоборот, не только потому, что все у нас шло и пойти успешно может только этим путем, а не обратным, но и потому еще, что лестницы лучше мести этим способом, а не обратным...»

Содержание

Глава I

7

Конец ознакомительного фрагмента.

21

Дмитрий Иванович Менделеев

Заметки о народном просвещении России

Жизнь людей, особенно у нас в России в последние десятилетия, становится – очевидно, для всех – новой, по формам, хотя основы, состоящие в господстве христианских и государственных начал, сохраняются, даже совершенствуются. Слово – было и осталось исходом, но дело стало иным, чем было.

Все это доказывать и разъяснять считаю ненадобным для цели, которую назначил себе в прилагаемых заметках. Но тем, кто не согласен с вышеприведенными утверждениями, кто отрицает или не видит значения перемен, совершающихся на глазах современников, тем лучше не читать ничего дальнейшего, так как оно основано на завете: «Вино новое да не вливается в мехи ветхие».

Многие формы жизни стали новыми, а формы обучения до того уже обветшали, что пришло время подумать об их усовершенствовании. Вот тема моих беглых заметок педагогического свойства. После немногих общих положений (об экзаменах, о цели обучения и т. п.), я, именно, полагаю в ря-

де статей высказать несколько мыслей о четырех отдельных предметах, касающихся обучения или педагогики, а именно: о подготовке обучающихся, т. е. профессоров и учителей; о высших, или специальных, учебных заведениях; о средних, или подготовительных, учебных заведениях и, наконец, коснуться общенародного, или начального, обучения. В своем изложении хочу идти сверху вниз, а не наоборот, не только потому, что все у нас шло и пойти успешно может только этим путем, а не обратным, но и потому еще, что лестницы лучше мести этим способом, а не обратным.

Мне надобно затем сказать, что предметы, излагаемые мною, по их значению для будущей жизни страны, требуют многотомного изложения, если все обставить в них с возможною полнотою и доказательностью. А у меня нет ни возможности, ни охоты писать такие тома; все, что могу сделать, – дать намеки, указания на тот род мыслей, который сложился в отношении к педагогическим вопросам в моей голове. Поэтому я должен ждать кривотолков и обещаю обращать мало на них внимания, поглощенного разными другими делами, которые еще желал бы успеть доделать. Пусть уж судят и даже осудят, а мне все же станет легче, когда выскажусь о деле, издавна меня занимающем.

Последнее предварительное субъективное замечание – о том, что я сам был учителем в двух гимназиях и в двух корпусах и профессором университета и разных высших специальных учебных заведений, – прибавляю для тех, кому мо-

жет показаться, что я говорю только как отец и дед или как кабинетный ученый, измысливший что-то в часы досуга – больше из соображений отвлеченного свойства, чем из прямых требований современной жизни, за судьбами которой давно слежу, потому что на плечах у меня 66 лет. Не до полемики и не до общих мне мест, а назрело в жизни, хочется успеть сказать

9 мая 1899 г.

Глава I

ЭКЗАМЕНЫ

Первое общее положение, которое мне желательно выставить во главе всего последующего, формулируется до крайности просто: *устные, массовые экзамены* (т. е. переходные и выпускные) *при обучении следует уничтожить*, а на вступительные (состязательные) следует смотреть только как на неизбежную необходимость, определяемую отношением спроса (т. е. числа желающих поступить) к предложению (т. е. к числу принимаемых).

Не станем говорить о муках физических и нравственных, испытываемых во время экзаменов как отвечающими, так и спрашивающими; они всем известны по отношению к ученикам, а испытывающим я был 35 лет и всегда мучился совокупностью ответственности, лежащей на экзаменаторе, с необходимостью быстро решать, чтобы не задерживать весь ход испытаний.

Приходилось прибегать к разным компромиссам. Из них я лично выбирал вот какой: тех, кого я за год знал как способных и знающих, – спрашивал лишь ради формы; другим, которых не знал, если отвечали на первый вопрос хорошо, тотчас давал второй и третий, а когда и на них отвечали ладно – поскорее ставил хорошую отметку, чтобы иметь мно-

го-много времени на тех, кого знал плохо работавшими за год, или тех, которые ответили на первые вопросы плохо: им сменял вопросы, давал время надумать и старался, – упрощая высоту требований, – доводить до того, чтобы они сами сознавались в недостаточности подготовки. Но и эта манера и разные другие, мне известные, не могут дать, при краткости устного испытания, возможности верного суждения о знаниях ученика никакому экзаменатору, если он не знает хода занятий своих учеников за длинный срок учения или если он не получил, чрез задачи или письменные ответы, твердого убеждения в том, что ученик действительно знает то, в чем его экзаменуют. Из своих гимназических испытаний очень хорошо помню, что в немецком я был всегда плох, а отметка вышла годная для выпуска, потому что я удачно сумел в ответе на выпускном экзамене вставить знакомые стихи Шиллера:

So willst du treulos von mir scheiden
Mit deinen holden Phantasien, —

которые мне понравились по звучности и смыслу, мне кем-то объясненному. В действительности, экзамены, особенно устные, всегда более или менее – лотерея, как часто и говорят; пора с этим покончить. И от этого дело обучения только улучшится, а лишние муки пропадут.

В начальных школах и низших классах средних школ уже

давно и повсюду практикуется перевод и выпуск – без всяких особых массовых устных испытаний, по годовым отметкам – по крайней мере, тех, кто учился за год хорошо.

Преподаватели 1-го кадетского корпуса. Петербург. 1901 г.

Следовательно, тут отмена экзаменов не будет большим нововведением, а потому стоит говорить о возможности такой отмены в старших классах гимназий, в университетах и в других средних и высших учебных заведениях.

В старших классах гимназий и других средних школ обучение основано всюду на объяснении уроков, на задании

упражнений и на том или ином виде проверки знаний учеников во все продолжение курса. Поэтому более 30, много 40 учеников в классе не держат, учителю иначе не успеть всех узнать. А такое число учеников и должно и можно знать учителю. Отметка служит помощью учителю, указателем ученику. Зачем еще сверх того экзамен со всеми его муками? – Знаю я и слышал только две отговорки: надо – дескать – проверять учителей и полезно лишний раз дать возможность слабым подтянуться или попытаться счастья. По мне, эти отговорки стоят мало, формальны и путают все дело до крайности.

Проверять учителей, испытывая учеников, можно было бы, если бы проверку вели помимо учителей и если бы за худые результаты экзаменов можно было винить только учителей, т. е. им ставить свои отметки. Но, по существу дела, нельзя ничего этого проделывать, особенно с учениками того критического возраста, о котором идет здесь речь, т. е. в 13–18 лет, когда самостоятельные мысли начали развиваться, и особенно по отношению к предметам старших классов средних учебных заведений.

Что бы ни делали, каких бы учителей ни давали, какие бы программы ни писали, в известном возрасте всегда будут одни ученики более способны и склонны к физико-математическим наукам, другие – к изучению языков или истории и т. п. Дельный учитель и разумные советы учителей всегда принимают это во внимание. Учителю нельзя также

не принять во внимание прямо личные качества учеников. Иной застенчив и легко сбивается, а между тем прекрасно учится, – к нему одно отношение, а другой боек и горазд на слова, – к нему надо отнестись иначе. Это знает всякий, кто учил и учился. Поэтому без учителей, знающих лично своих учеников, судить правильно об успехах учения невозможно. А проверка учителей, конечно, необходима, но ее, прежде всего, следует делать при выборе учителей и помимо того напряженного положения, в каком находятся ученики и учителя во время экзаменов. Да и где набрать судей, способных делать правильную проверку учителей?

Помню я, как шел экзамен химии для выпускных кадет 2-го кадетского корпуса, где я учил. Тому будет более 40 лет, и говорить теперь об этом можно. Председательствовал всем тогда известный высокоуважаемый начальник военно-учебных заведений Ростовцев. С самого начала он сказал, что все предоставляет мне, потому что совершенно не знает химии и только желает узнать кадет. Сидело немало и других генералов, и они ни слова не сказали во все время, только просили ставить отметки так, чтобы им было видно.

Средняя отметка из всех была, быть может, именно по этой причине, одинаковая у всех, ставивших баллы, и только раз или два зашла речь о повышении отметки, когда дело шло об очень бойких, но посредственных ответах. Директор-филолог – как будет судить об успехах учеников стар-

ших классов по математике или, наоборот, – математик об учителях греческого или латинского? Увидит он, конечно, если будет придирчивость или слабость; но что и тогда сделать, как не уговаривать в совете, если ему будет предоставлена решающая роль и если учитель дан неладный, не вникающий ни в особенности учеников, ни в тяжелое положение испытуемых, сознающих, что дело идет об их будущности и зависит от момента, от слова и случайностей?

Очевидно, что проверять надо учителей вовсе не на экзаменах, а на самом ходе преподавания, хотя главную-то проверку дадут сами ученики – когда вырастут, осмотрятся и вспомнят, что и как внушал им тот или другой учитель. Инстинктивно ценит учителя – любовь учеников, порядок и внимательность в классах, стоустая молва и вся жизнь самих учителей. Все это, а особенно посещение уроков инспектирующими лицами, может дать более верную оценку учителя, чем экзамены его учеников. Без доверия к учителю – учение не может давать добрых плодов, а доверять надо с большим выбором. Потому корень дела в подготовке учителей, о чем будем говорить особо.

Что же касается до оправдания экзаменов пользою их для слабых учеников, то, конечно, при этом подразумевают их спешную самостоятельную подготовку, но тут что-нибудь не так: либо ученье шло без достаточного внимания к более слабым¹, либо достигалась не истинная¹, а только кажущаяся польза учащих, потому что, если за год не улеглось изуча-

емое в голове ученика, – в недели или дни подготовки оно улечься, очевидно, не может. А дать место и шанс случайности экзаменов в деле подготовки – было бы не в пользу, а во вред учению. При сознательном отношении к делу совета педагогов, слабые по некоторым предметам ученики могут быть сознательно – без всяких случайностей экзаменов – пущены дальше, если есть указание на возможность допустить ученика к дальнейшему ходу его обучения.

Учителя, зная своих учеников, хорошо могут предвидеть, насколько можно предвидеть в жизни, имеются ли или нет у данного слабого ученика условия для успешности его дальнейшего обучения, а если этого предвидения ничто не возбуждает, – экзамен может обманывать, затягивать, а не помогать слабым. Таких надо или направлять в иные условия (т. е. или вовсе выделять из учения, направляя на иную деятельность, или оставлять в классе, если есть надежда или были обстоятельства, временно препятствовавшие ходу учения, например, болезнь, условия жизни и т. п.), или, при сколько-либо подходящих условиях, переводить и выпускать с уверенностью, что недоделанное в прошлом наверстается. Экзамены тут не помогут. Вместо них совершенно достаточны годовые отметки, и главное – общее впечатление учителей, решающих дело перевода и выпуска учеников. Для меня это так несомненно, что я считаю возможным идти далее, т. е. выставить прямые выгоды отмены экзаменов.

Кроме устранения множества ненужных мук, отмена эк-

заменов должна дать, по крайней мере, две прямые и важные выгоды в деле обучения в средних учебных заведениях: сокращение срока учения и спокойствие отдыха учеников и учителей.

Время экзаменов в старших классах гимназии и т. п. длится около полутора месяцев. В это время учение во всех классах, даже если в них нет экзаменов, или вовсе не идет, или ничего не дает, потому что учителя измучены экзаменами не меньше, а больше учеников. Нормальное учение идет при экзаменах никак не более $7\frac{1}{2}$ месяцев в году, считая время вакаций. Если прибавить полтора месяца – выйдет 9 месяцев, и, следовательно, вместо 6 лет учения довольно будет 5 лет, а потому, конечно, вместо 7 лет – 6 или вместо 8 – только 7 лет.

То есть уничтожение экзаменов, помимо всего прочего, сократит учение в средних учебных заведениях, по крайней мере, на год. А это составит прямую выгоду не только родителей и учеников, но и учителей, потому что они за свое дело претерпят менее муки, могут получить высшее вознаграждение. Но главное не в этом, а в том, что ученики с той же подготовкой, как ныне, не будут выходить из средних учебных заведений столь «зрелыми» по годам, лучше будут пригодны и впечатлительны к дальнейшим занятиям в университетах и тому подобных заведениях и к самой жизни.

О подготовке к университетам речь дальше, а теперь я остановлюсь только на тех учениках средних учебных заве-

дений, которые прямо после них поступают в жизнь, с всею ее сложностью. Как бы там ни судили о том, какие бы программы средних школ ни выдумывали, как бы их ни специализировали по предметам обучения – все же жизнь современная, да и всякая, сложнее и дробнее школы во много раз, вышедшему из нее надо учиться стать офицером или купцом, промышленником или чиновником, дьяконом или учителем – кем бы там ни было.

Прямо со школьной скамьи средних учебных заведений, даже профессиональных, не может выходить специалист, а таких-то и надо жизни не только от высших, но и от средних школ. Такова уже современная жизнь, а чем дальше, тем больше – не то, что было когда-то, еще сравнительно недавно. Так лучше выгадать год – для подготовки к этой разнообразной жизненной специальности, чем этот год тянуть в школах, а потом все же расходовать время на обучение жизненной специальности. И чем моложе по годам начинающий учиться жизненным специальностям – при той же степени школьного обучения, – тем, само собою разумеется, он легче вступит в дело, тем больше успеет в жизни, и тем жизнь больше выиграет от школьного учения. Когда на плечах много десятков лет, тогда год значит мало, а в 15–18 лет, когда кончают средние учебные заведения, тогда год сроку – великое дело.

Многих поражает то явление, что ныне при тысячах студентов выходит меньше выдающихся, чем было лет за 25 или

30 тому назад, когда были только сотни. На мой опыт, длящийся с этих прошлых времен, разность эта определяется, между прочим, прежде всего тем, что тогда в студенты поступали более молодыми и впечатлительными, чем ныне, – в гимназиях было 7, а не 8 классов, или лет учения. Если мы хотим успехов жизни России, надо начинать высшую специализацию, требуемую жизнью, как можно раньше. Уничтожение экзаменов – одно из первых для того средств. При том, если продлится и впредь, после мирных конференций, всеобщность воинской повинности, – тот год лучше потратить на дело подготовки к защите отечества: плодов будет побольше, чем от латинщины.

Опыт всего мира показывает надобность некоторого временного, но полного отдыха, как учителям, так и ученикам. Первым – по двум причинам. Во-первых, потому, что истинное дело учителя делается исключительно нервами: надо – так сказать – заразить учеников трудолюбием, сознательным и разумным отношением к частностям жизни, мелькающим в глазах неуча в хаотическом беспорядке. Одними сухими рассуждениями – даже при полной добросовестности – ничего не поделаешь в обучении, доброго следа не оставишь, необходима работа нервов, а ее без отдыха нельзя вести. Во-вторых, учителю гимназий или тому подобных заведений нельзя стоять на месте, необходимо упорно следить за всем движением своего предмета, если он не мертвый, а мертвых предметов в школах не должно бы и быть.

Не уследишь, не разберешь чего-нибудь, а там либо ученик какой, либо родственник его обратятся с вопросом о текущей теме дня, ну, хотя бы о телеграфе без проводников, — нельзя учителю не знать этого. Следить же за наукой, разобратся в ней с чем-либо самостоятельно — нельзя, не имея особо свободного времени; дельному учителю многое приходится откладывать до времени вакаций. Время такого отдыха для учителей и без того часто должно быть короче, чем для учеников, а когда есть экзамены, дающие массу утомления перед вакацией, да переэкзаменовки после вакации, тогда не может быть прочного спокойствия учителю. Если же его не будет, — не ищите хороших учителей, светильников окружающему, настоящих просветителей для ваших детей; получим только исполнителей, а нужны возбудители. О детях и юношах и говорить нечего; всякий знает, как полный и спокойный отдых помогает им бодро глядеть на все, что им предстоит, а без этого хорошего учения в массе быть не может.

Школа. Урок географии. Бухара. 1900-е гг.

Физическая сторона возрастающего организма не менее того требует временно полного отдыха, и это так известно, что я считаю возможным идти далее, заметив только о том, что польза от полноты отдыха учеников много выиграет, когда не будет ни экзаменационной муки перед каникулами, ни всяких переэкзаменовок после них, а ход учения прямо прерывается каникулярным временем. Военные школы поняли это у нас ранее гражданских.

Если от гимназий перейдем к университетам или вообще к высшим учебным заведениям, то тут на первый раз кажется невозможным обойтись без испытаний, потому что уро-

ков здесь не задается и спрашиваний с ответами не водится, следовательно, и личного знания всякого ученика профессорами быть не может.² Все здесь основывается на личной самостоятельности учеников, т. е. опирается на вероятность их сознательного отношения к занятиям, а испытание назначается для того, чтобы убедиться в действительном усвоении тех специальных предметов, которые назначены для слушания и дают подготовку к той или иной жизненной специальности или к той или иной области знаний.

Обойтись без устных массовых экзаменов здесь, однако, не только легко, но и настоятельнее необходимо, чем в средних учебных заведениях. И если мне удастся доказать последнее, можно и умолчать о легкости устранения экзаменов, потому что всякому понятна польза высшего специального образования помимо прав, чрез него получаемых, а жизнь до того требует на каждом шагу высшей специальной подготовки, что так называемые «вольные слушатели» составляют обычное явление там, где все высшее образование дошло до своей настоящей нормы.

Даже в начале 50-х годов и даже в таком «закрытом» русском высшем учебном заведении, каким был в свое время Главный педагогический институт, где я сам учился, были, правда, немногие, «посторонние», или «вольные», слушатели у профессоров, подобных Остроградскому, потому что его курсы были полны живого интереса и специалистам были незаменимы. А для таких «посторонних» слушателей не

может быть и речи ни о каких экзаменах. В специальных же курсах и в специальном к ним интересе содержится главная польза действительно «высших» учебных заведений. Нет этого интереса, нет этой «вольной» охоты узнать суть дела от знатока – напрасно будет все, останется только школа, разве тем отличающаяся от гимназии, что предметы более специализированы и не могут проходиться без предварительной подготовки. Тогда и надо заводить такие школы, а народу отказать от научной самостоятельности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.